

В

каком же это было году, дай бог памяти... Скорее всего, в 1981-м? Или в 1982-м? Но не позже. С первой своей повестушечкой «Дипломная практика» я отважился, наконец, постучаться в редакцию журнала «Подъём», долго перед тем потоптавшись у старинного дома на главной в Воронеже улице — проспекте Революции. В студенческие годы сколько раз приходилось проходить мимо, то поспешая на главпочтамт за родительским переводом, то отправляясь в университетскую библиотеку готовить очередной реферат по истмату или диамату, логике или философии; не знаю, как в XXI-м веке, а в XX-м зубрили мы такие предметы на журфаке ВГУ имени Ленинского комсомола вовсю. Кстати, познавая немало ценного.

В руках держал объемистый портфель, куда вошли два пухлых экземпляра самолично отстуканной на печатной машинке «Эрика» многострадальной моей повести и две пузатые (по 0,75 каждая) бутылки коньяка. Сведущие люди посоветовали взять армянский: уж заявляться, мол, в светское общество, так заявляться — это тебе не газовые трассы, о которых ты пишешь повести, работая прорабом на стройках пятилетки, а в редакциях народ сплошь аристократический. Вдобавок к спиртному прилагался стандартный холостяцкий набор закуски: сыр, колбаса, два батона белого, яблоки...

Позвольте маленькое отступление о советских стройках пятилетки, над которыми с ироничной ухмылкой сегодня стебаются столичные и провинциальные публицисты, мало задумываясь о том, что как раз благодаря огромным газопроводам «Сияние Севера», «Средняя Азия — Центр» (шесть «ниток»!), «Саратов — Москва» и другим в домах, где они сейчас живут, и в их служебных кабинетах, где они ваяют свои нетленки, тепло, светло и чисто. Даже в морозные январь и февраль — только потому, что еще полвека назад проложены были в их города и райцентры стальные газовые и нефтяные магистрали. Проложены точно в срок, без срывов, в полном соответствии с графиками советских пятилеток. Между прочим, возглавлял отрасль Алексей Кириллович Кортунов, в войну — командир стрелкового полка, с которым он прошел от Москвы до Тюрингии, получив на фронтах звание Героя, четыре ордена Ленина (тут я не совсем точен, может, один орден добавлен в мирное время), два — Красного Знамени, Суворова 3-й степени и Александра Невского. Как геройски воевал полководец — так и работал в полную силу, добрых тридцать лет командуя главками и в целом Миннефтегазстроем.

И еще — о персонах былых времен. Как раз в тот сказочный февральский день, когда любимый мой заснеженный Воронеж являл собой единое перекатное покрывало, а на ветвях деревьев вдоль всего проспекта Революции многозвучно пел хрустальный стеклярус сосулек, я получил в книжном издательстве (тогда располагавшемся не на улице Лизюкова, а на улице Цюрюпы) три авторских экземпляра коллективного сборника очерков «Герои пятилетки», где был напечатан и мой опус об одном железнодорожнике всего лишь с заочным техникумовским образованием.

Вот вкратце сюжет. Лучшие умы локомотивного депо, отделения и даже управления Юго-Восточной железной дороги бились над решением упертой за-

дачи: как заменить изношенные рельсы кран-балки, с помощью которой в огромном цехе переставляют, передвигают, поднимают и опускают тяжеленные колесные пары, непосильные для рук человека узлы и детали весом под центнер и более. «Умы» сходились к одному: разобрать перекрытие из железобетонных плит, снять фонарь (стеклобетонный потолок цеха, пропускающий дневное освещение), срезать и удалить через монтажный подъем 24 метра старогонных рельсов, прежде высвободив грузоподъемник. Да, неминуема техническая остановка цеха недели на две при круглосуточной авральной работе. Будем осматривать локомотивы на улице. Холодно, люто холодно, мы понимаем, а что делать?

— Не спешите вы, ради Бога, с выводами, дайте денек помараковать-покумекать, — вызвался мастер Авдеев, о таланте которого говорили полсотни патентов на изобретения и свидетельств на рацпредложения. И в ближайшую субботу, когда в депо было относительно тихо и спокойно, он весь день ходил по цеху, то шагами, то рулеткой вымеривая длину и ширину пролетов, что-то помечая карандашиком в своей рабочей книжке, задумываясь и вновь приступая к обмерам.

А в понедельник выложил на стол начальника депо четыре бумажных «кораблика» — процесс реконструкции цеха в расчетах, чертежах и «наглядной агитации».

— Ничего ломать мы не будем, — расставлял фигурную комбинацию Авдеев. — Смотрите. Незачем втаскивать рельсы целиком, разделим весь путь на четыре части по длине шестиметровых пролетов и сварим все «в нитку» — уже на консолях. Сварщики-паспортисты готовы, я с ними говорил, у матросов нет вопросов!..

«Умы» почесали чубы и крепкие инженерные затылки, признавая правоту мастера. Начальник депо кинулся диктовать приказ о премировании своего Кулибина двумя должностными окладами. А Виктор Николаевич бегал по

депо, как бочман по палубе, отдавая команды и расставляя «матросов» по местам точно так, как того требовала вся предстоящая процедура демонтажа старой и монтажа новой помощницы рабочих рук — кран-балки.

* * *

Ознакомленный с этой историей месяц назад по телефону, заведующий отделом поэзии, очерка и публицистики журнала Станислав Николаевич Никулин по-землячески отругал меня: «Дал бы сперва этот очерк нам, а уж потом в издательство, знаешь ведь о праве первой ночи?»

Ни фига я не знал. Но ухватился за приглашение Стаса заглянуть на огонек, когда буду в Воронеже. А что от тамбовских границ до воронежских? Всего ничего, три часа сорок минут езды на электричке.

И вот наступил ты, гой еси памятный февраль, самый, пожалуй, колоритный месяц зимы, о котором лучше Юлии Друниной не скажешь:

Ночью было за двадцать,
А к полудню сугробы осели.
Я люблю этот месяц —
Полузимний и полувесенный...

И вот он, Воронеж — «ворон, нож» (по Мандельштаму). Вот проспект Революции (бывшая улица Большая Дворянская), вот парадный подъезд цитадели, и вот он — журнальный «чердак», где квартируют его небожители. Сверкающий очками Стас — высокий, широкоплечий, грудь плотно облегает свитер с вышитыми оленями; и так располагают к себе его приветливая улыбка, добрые карие очи, глядя на которые так и хочется обнять земляка! Будущий главный редактор журнала — недавно назначенный заведовать отделом прозы выпускник Литературного института, любимый ученик главного редактора «Нового мира» Сергея Павловича Залыгина Иван Евсеенко, задумчиво потирающий русую бородку, искоса — оценивающе — поглядывая голубыми глаза-

ми на пришельца из соседней Тамбовщины. Это уже потом, плотнее познакомившись и подружившись, мы выяснили, что юность наша прошла в параллельных украинских областях. У него — на Черниговщине, в селе Займище тогда Щорсовского района, позднее переименованного бандеровской властью в дореволюционный Сновский. Не пришла, знать, по душе Кравчукам, Ющенкам, Порошенкам, Януковичам, Зеленским лихая песня украинца Иосифа Кобзона «он против контры шел, наступая, в кожанке Щорса, в бурке Чапая»... А мои детство и юность протекали хотя и в областном, но донельзя провинциальном городе Сумы, куда московская мода приходила лишь через десятилетия, а центром мироздания считалась бывшая столица Украины — город Харьков.

К сожалению, не назову знаменитых литераторов Сумы, а вот из черниговских земляков Евсеенко — пожалуйста: поэт Павло Тычина, прозаик Анатолий Рыбаков, чьи романы «Кортик», «Бронзовая птица», «Тяжелый песок», «Дети Арбата» были на устах миллионов... И ничуть не подкачал, не подвел «свий ридный край» и прочно обрусевший Иван Иванович Евсеенко, литературный Учитель, о котором непозволительно упоминать походя — только стоя. И перед памятью о нем, перед его именем благоговею, как и многие другие его ученики.

Уйдут от нас учителя,
И станем мы учителями,
И все, на чем стоит земля,
Вдруг станет нашими плечами...

* * *

— Друзья-товарищи, прошу к столу, кушать подано! — малость осмелев, вскричал я голосом балаганного Петрушки.

— Любо! — неподражаемым казацким говорком оценил накрытый стол Сан Саныч Голубев, поэт, смуглый красавец, уроженец тихого Дона.

— Любо, братцы, любо, любо, брат-

цы, жить! — тут же подхватил прозаик Валера Баранов, чей сын Родион, как мы с ним случайно выяснили, — полный ровесник моему младшему Ромке. Значит, доблестным отцам уже есть о чем поговорить.

— Правку закончу — подойду, — благословил нас на трапезу занятый сдачей номера в печать Стас.

— Вначале дело, дорогие соотечественники, а квас потом, — отозвался в унисон и заваленный рукописями Иван Иванович.

Добрый час или два мы так и просидели втроем; не молчали, конечно, где это видано, чтобы верноподданные слова молчали? Но находились в затаенном ожидании схождения богов на землю. И они сошли. Один за другим.

— Как вам такие перлы? — держа в руке лист рукописи, продекламировал Стас:

Ах, в складках платья горит листва,
Ах, под стопою дышит трава...

— Погорелица? — сочувственно кивнул Голубев.

— Пожарная? — попытался угадать Баранов.

— Нет, нет и нет, — покачал головой Никулин. — Это лауреат зонального конкурса «Далеко от Москвы».

— Хорошо, что далеко, а то как бы столица пожар пережила? — посыпались шутки-прибаутки.

Вскоре и неприступный главред Виктор Михайлович Попов, минуто назад елеиным голоском (иначе нельзя!) упрашивавший по телефону строгого дядьку-цензора разрешить напечатать анонс следующего номера на обложке номера выходящего, вместе со своей постоянной тенью — ответственным секретарем Женей — присоединились к застолью. Первый тост — за героев пятилеток.

Никто никуда не спешил, никто никого не торопил, а кому было нужно — тот отходил и возвращался. Я молчал, рот не открывал, впервые в жизни находясь за одним столом с настоящими писателями и наслаждаясь их разгово-

рами обо всем: о литературе, политике, Воронежском обкоме и причудливых авторах, забрасывающих редакцию стихотворной макулатурой и килограммовой прозой.

— Слушай, — вдруг доверительно, вполголоса сказал Стас (как-никак земляки, поскольку друг мой — уроженец районного центра Жердевка, бывшей тамбовской Чибизовки, стоящей на реке Савале). — Слушай. Звонил сейчас Дед, он должен прийти через полчаса, тут от его улицы Чайковского до нас недалеко. Я тебя вот что попрошу. Мне позарез нужно «сигнал» вычитывать, а он предложит в шахматы погонять... Сыграй ты с ним.

— Не вопрос. Но кто такой Дед?

«Хм! Тогда ты кто?» — читалось в недоуменном взоре жердевца. А тамбовчане — они все такие: прямые, резкие, бескомпромиссные, настоящие правдоубы — что думают, то и говорят.

— Дед — это Троепольский! Гавриил! Николаевич! Читал, надеюсь, его «Белый Бим Черное ухо»?

Я так и присел. Ничего себе пельмени! Гавриил? Николаевич? Троепольский? Бим? Конечно, читал. И фильм с Вячеславом Тихоновым в главной роли Иванова Ивана Ивановича (надо же — полного тезки Евсеенко!) видел. И много был наслышан о Троепольском от его родного племянника Валентина Малахова, с кем чаще частого мы встречаемся то на городских улицах нашего Мичурина, то на посиделках в гостеприимной редакции городской газеты, доброжелательно привечающей всех пишущих.

И я сейчас увижу живого классика? О боже, просто фантастический выдался этот февральский день!

— Только учти! — все так же таинственно, словно при передаче пароля, шептал Стас. — Дед очень не любит проигрывать, а ты, я знаю, в шахматах мастак. Так что — соображай, как себя вести...

Шум, женский смех, звучное челомканье дорогого гостя с кем-то невидимым — может быть, с бухгалтером или

корреспондентшей, а может быть, и с Виктором Михайловичем (старые друзья!)... И вот — явление классика народу. На Трехпольском был модный белый полшубок, подпоясанный широким ремнем, на голове — высокая каракулевая шапка, на ногах — белые деревенские валенки, усы-усищи заиндевели на морозе, остро топорчатся косматые брови, в снегу шапка и рукавицы, от мороза побелевшим выглядит даже увесистый бадик...

— Здорово, други мои! Бражничаем?

— Да нет, Гавриил Николаевич, это мы так, мичуринца с первой публикацией поздравляем.

Кого-то приобняв, кому-то пожал руку, автор Белого Бима, строго глядя прожигающими и сквозь стекла «учительских» очков глазами, приблизился ко мне.

— Добрый день, Гавриил Николаевич! — как можно почтительней изогнув спину, пожал я протянутую мне навстречу крепкую, по-рабочему (хотя нет — по-крестьянски) жилистую руку. Знаменитый писатель, сценарист и драматург, лауреат Государственной премии СССР в прошлом был известным агрономом, испытателем аграрных новинок, создавшим восемь сортов проса, один из которых отлично прижился на полях Центрального Черноземья...

От искушения понравиться знаменитому человеку как было удержаться? И я соврал, не задумываясь:

— Привет вам передавал Валентин Георгиевич, друг мой, ваш племянник.

— Да? Мерси! — вскинул строгие брови Дед. — Я, правда, с час назад разговаривал с ним по телефону...

Голубев то ли чихнул, то ли крикнул. Зашаркал побыстрее стульями, высвобождая место дорогому гостю, Валера Баранов. И, разряжая ситуацию, элегантный Виктор Михайлович Попов, вежливо подхвотив Гавриила Николаевича под локотки, заговорил с ним о засилье цензуры, наглости почты, ястребином опекунстве над журналом обкома партии.

Гавриилу Николаевичу ли всего это-

го было не знать — ведь после публикации в московском «Новом мире» потрясающе колкого, кое-кого до печенок доставшего как бы экологического (а на самом деле — публицистически-обличительного) очерка «О травах, почвах и прочем» он был уволен с прежнего места работы и добрые полгода занимался лишь починкой своего старенького «москвича». Так отомстили еретику, утверждавшему, что хозяин земли, полей и рек — народ, а не КПСС.

Но оставим публицистику, друзья, хотя... «как на свете без нее прожить?»

Умело, по-мужицки, по-охотнички (все в нем было кряду!) опрокинув стопку, отставив увесистый бадик подальше от предложенного кресла (единственного в далеко не шикарных апартаментах редакции), Гавриил Николаевич повернул ко мне улыбчивый взгляд.

— Ну-с, милый человек, позвольте спросить теперь вас, как Ленин спрашивал ходоков: как дела в Тамбовской губернии?

— Отлично, Гавриил Николаевич. Только очень многие вот с такими же бадиками по миру ходят.

— «Бадик»? Хм. Это у вас Мичурин на памятнике держит «бадик». На Украине то зовется батог, а если хлыст в руках пастуха — батожок. А у нас в воронежских деревнях, где довелось мне агрономом поработать, до сих пор при словечке гуляет: «Зашел в хату, посох — в дверной кут!» — то есть поставь клюку в уголок.

Избегая привлечения к себе усиленного внимания, Гавриил Николаевич пересел в конец стола, о чем-то тихо переговариваясь с Евсеенко. А я, прислушиваясь, уловил, что хвалит Дед последний номер журнала, отмечая стихи Стаса («Хорошо у него легла строка про донские перекаты») или прозу Василия Белокрылова («Дельные советы дал ему Константин Симонов»). Что-то покритиковал из публицистики:

— Смелее надо, мужики, смелее! Вот почему вы депутатов на свои страницы не приглашаете? Народ их избрал, а чем

они и у нас в Лоранеже, и в столице занимаются, наши избранники дорогие? Мне читатели знаешь, Иван Иванович, какие чудесные письма присылают? Зачитаешься! Вся боль, вся радость, вся жизнь страны в этих строках — чудописьма! Сегодня с утра семерым адресатам ответы писал.

Евсеевко — человек, всеми фибрами души преданный журналу, — тут же ухватился:

— Гавриил Николаевич, а давайте мы ваши письма, какие сочтете нужным, целиком или с выдержками у нас опубликуем?

Троепольский, с полминуты подумав, согласно кивнул.

Я и так наслаждался разговором мэтров, а тут еще речь зашла о любимом моем Пастернаке... Стоп! Значит, точно — встреча в «Подъеме» была 10 февраля! В день рождения Бориса Леонидовича, присуждение которому Нобелевской премии за роман о докторе Живаго в середине прошлого века вызвало страшный переполох не столько в завистливой писательской среде, сколько в злорадном сословии «белых воротничков»... Но как же полыхали глаза «подъемовцев», знавших толк в литературе!

— Что «Живаго»? Живаго... Да «Хожение по мукам» Алексея Толстого в сто раз острее и социально сильнее, а ему Нобелевку не дали. Почему?

— Потому! А стихи в «Живаго», посвященные Ларе? Это же Ольге Ивинской, своей святой музе, Пастернак сделал посвящение. Не стихи, а божественная стеклянная терраса.

— Уж конечно! Но ведь налицо, согласись, слабость сюжета, неясность многих картин, затянутость повествования... А этот назидательный тон, морализаторство, занудство? Я понимаю, кумиром Пастернака всегда был Лев Николаевич. Ну зачем уж так-то калькировать Толстого?..

Сшибке мнений, казалось, не будет конца. Помалкивающий, но чутко слушающий спор собратьев Гавриил Нико-

лаевич, испросив разрешения коллег, чиркнул спичкой, закурил, протянул и мне пачку сигарет: «Угощайтесь».

После пары затяжек спросил: «А Сергей как?» Я понял, что речь идет еще об одном племяше Троепольского, родном брате Валентина Малахова — радиожурналисте Сергее, недавно перебравшемся из-за Полярного круга в Тамбов и успешно работающем на областном радио. Представляю, сколько радости прежде доставлял его на редкость красивый, задушевный, теплый баритон кочующим по волнам морякам Севера, ждущим весточек от родных и друзей, прильнувшим к корабельным радиоприемникам...

— Да все нормально, Гавриил Николаевич. Успешно трудится Сергей. Вещает...

Троепольский вздохнул. Осмотрел окрестности. И, выбрав Стаса, кивнул: «Как, друг мой, сыграем?»

Никулин приложил руки к груди:

— Гавриил Николаевич, я бы с дорогой душой, но (он с опаской кивнул на непоколебимую лысину главного редактора) типография ждет досыл, шеф на взводе, задержу — убьет...

— ...или ранит, — договорил Гавриил Николаевич.

— Вот именно! А вы сыграйте пока с Валерой, он посильнее будет, хватит уж вам меня мутузить.

И мы расставили на картонной доске деревянные (любимые мной, в отличие от бездушных пластмассовых) — каждый свои — фигуры.

Опытные шахматисты знают: достаточно в партии с незнакомым партнером первых пяти-шести ходов, чтобы понять силу соперника и оценить, что он собой на черно-белом пространстве 64-х клеточек представляет.

Обращаясь к событиям бог знает какой давности, я наверняка мог что-то забыть, что-то перевернуть, что-то спутать — немудрено, — поэтому приношу свои извинения. А вот то, что мой глубокоуважаемый партнер еще в дебюте не по делу погнал в центр ферзя и без

нужды, теряя темпы развития, зачем-то выставил оборонительными редутами фланговые пешки, — помню точно. Как мне было продолжать борьбу, находясь с уважаемым человеком в разных весовых категориях, но помня наказ Станислава: лучший исход — ничья?

И я давил в себе азарт охотника, прощая белым проигрыш ими ладьи с потерей качества, уклонялся от соблазна поставить вилку и выиграть целого ферзя, опрометчиво подставленного под бой, наконец, наивно уклонялся от построения неизбежной матовой сети белым... И великий Дед эти экивоки почувял, дал понять, что он ими недоволен, передергивая плечами и угрюмо пошмыгивая носом. Я постарался опередить упреки хозяина Бима:

— Ничья, Гавриил Николаевич?

— Нет уж, играйте как положено. С вашей-то армадой пешек какая тут ничья? Не надо мне никаких уступок, извольте без цирлих-манирлих.

Уроки Троепольского я не просто запомнил — я рассказываю их на встречах с читателями, рассказываю своим детям и внукам. Пусть учатся на примерах великих. Сегодня — дети, завтра — народ.

* * *

Мой рассказ был бы, пожалуй, неполным, не закольцуй я его тем, с чего начал: обращением к простому рабочему человеку — Авдееву. Не в силах доверить начатое дело кому бы то ни было, он все те авральные две недели, закончив дневную смену, оставался в депо еще на часок, потом еще, потом на полчаса, убегая от трезвонящего в мастерской телефона с настойчивым вопросом жены: «Витя, ну ты скоро? Третий раз борщ разогреваю!..»

Он спрыгнул с дежурной «Нивы» у самого дома. В черной августовской темноте помахал рукой вслед хохочущему водителю, с которым всю дорогу травил анекдоты. И не увидел, не учуял мой герой, как кто-то невидимый

напал на него — зверски, подло, со спины, нанося ножом удар за ударом.

Убийцу к утру нашли. Оказался из своих, «железников», только бывших: спившийся и искурившийся наркоша, давно изгнанный из депо, но четко помнящий, кому и в какой день дают аванс, перерасчет и премию... Пожизненный срок тогда не был узаконен, суд отвесил выродку максимум — четвертак.

И я порой думаю: если тот урод освободился и еще жив, с каким чувством смотрит он себе в глаза, бреясь перед зеркалом? Или избегает даже собственного взгляда?

* * *

Ту самую первую и, конечно же, слабую повесть мою «Подъём» не напечатал. Дважды Иван Иванович возвращал мне «Практику» на переделку, одобрял сюжет, где герой вынужденно занимается не своим делом, отмечал некоторые языковые удачи — но в целом считал творение рыхловатым, недоношенным.

— Знаете, Валерий, я уж, не доверяя своему вкусу, дал почитать вашу вещь еще двум членам редколлегии — к сожалению, наши мнения совпали. Вы не торопитесь, отложите повесть, еще хорошенько все обдумайте, перепишите вот эти и эти главы...

Я хорошенько, без малейшей обиды и недовольства все обдумал, все взвесил — и решил больше не пытаться искать с ней удачи в журнале. Сочинил новую повесть — «Последняя трасса», и сложилась маленькая книжица, которая — спасибо талантливому художнику! — с символической первой ласточкой на обложке увидела свет в воронежском Центрально-Черноземном книжном издательстве.

Все? Еще нет. Были у меня, конечно, новые — теплые, неизменно добрые и радужные — встречи в «Подъёме», где за последующие десятилетия увидело свет множество моих рассказов и пове-

стей... Но был в том же памятном году напечатанный в любимом журнале очерк «Пойдет Наталья рощей белою...» о лучшей доярке Тамбовской области Наталье Андреевне Шиповской, ставшей делегатом исключительно престижного, недостижимого, почетного в то время Всесоюзного партийного съезда и дважды депутатом Верховного Совета РСФСР. Этот очерк увидела Москва, и он был перепечатан «Известиями» в ежегодном альманахе «Шаги», где оказался в созвездии прекрасных писательских имен: Евгений Евтушенко, Федор Абрамов, Нодар Думбадзе... Тот случай, когда правда и реальность превосходят самые смелые мечты.

Из книжного издательства я летел на крыльях в «Подъём» разделить с друзьями радость дебюта. Шутка ли: две повести под одной обложкой, 15-тысячный тираж, знак ISBN (международная

стандартная система нумерации книг), проставленный на фронтисписе, — все по-взрослому! Заглянул по пути в книжный магазин, попросил недавно изданную книгу Ивана Евсеенко «Родительский дом». Нет, беру не одну, две. Две! Одну Иван Иванович подпишет мне, другую — красотке-продавщице из книжного отдела. «Вас, девушка, как зовут? Тома? Тома Дорохова? Ждите!»

— Ой, правда? Я вам буду так благодарна! — обожгла меня нежной улыбкой и фиалковым взглядом девица-красавица. — Я очень люблю его книги, все прочитала — «Заря вечерняя», «Одн дворец Калашников», «У самого синего моря»...

Шел я по ступеням нескончаемой мраморной лестницы в «Подъём» и думал: «Эх, дожить бы до такой всенародной любви! Но как же ты крут, подъем по широкой лестнице...»

